

Жарылкан**Бейсенбайұлы***писатель, шокановед,
кандидат филологических наук*

ШОКАН – ПЕРВЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ «ТАРИХ-И РАШИДИ»

К 185-летию со дня рождения Шокана Уалиханова

12 апреля 1859 года поручик Шокан Уалиханов успешно завершил свое полное опасностей и тревог Кашгарское путешествие. Оно длилось ровно десять месяцев и четырнадцать дней... Из-за длительных физических усилий, лишений, неудобств и нравственных потрясений, испытанных за время путешествия, он, прибыв в Омск, сильно занемог. Несколько месяцев Шокан был не в состоянии работать над отчетом о поездке. Болезнь прогрессировала, требовались долгое лечение и забота врачей. Только в ноябре молодой организм Шокана переборол болезнь, и он смог сесть за работу. В середине января он завершил составление отчета и с помощью переписчика перенес текст на новые листы бумаги. 27 января этот документ специальной почтой был отправлен в Петербург, в Азиатский департамент Министерства иностранных дел. Выехав вслед за этой почтой санным путем, Шокан, более полумесяца проведя в дороге, только в конце февраля 1860 года прибыл в столицу империи.

* * *

Кашгарского героя с нетерпением ожидали в Военном министерстве и Министерстве иностранных дел. Высшие чины, заранее ознакомившиеся с отчетом, отправленным по почте, пожелали лично встретиться с отважным путешественником и задать ему конкретные вопросы. Очень заинтересовался им заместитель министра иностранных дел, директор Азиатского департамента, заместитель председателя Императорского Русского географического общества, ученый, путешественник и писатель Егор Петрович Ковалевский (1810–1868). Он не мог скрыть своего восхищения способностями и знаниями молодого казаха, совершившего столь опасное путешествие. Шокан при встрече тоже выразил удовлетворение тем, что может работать под личным руководством известного ученого, с которым он был уже знаком заочно.

Своим бесценным трудом «О состоянии Алтышара, или шести восточных городов китайской провинции Нан-Лу (Малой Бухарии)», написанным в великолепном научно-публицистическом стиле, Шокан Уалиханов поразил столичных

Шокан. 1860 г. Петербург.
Фотоателье Г. Бореля

ученых, военных специалистов, географов и журналистов, его имя зазвучало у всех на устах. Все единогласно высоко оценили отчет молодого казахского исследователя о путешествии в Кашгарию, считая его «подлинным географическим открытием», трудом, «в высшей степени полезным для правительства и для наук», восполняющим «пробелы европейских ученых-географов и востоковедов, сведениями которых мы доселе руководствовались».

За короткий срок он близко познакомился с известными учеными и востоковедами, которых знал до этого лишь заочно. Генерал-майор Ковалевский представил Шокана президенту Академии наук, историку графу Д. Н. Блудову (1785–1864). Шокан стал тесно общаться с редактором «Записок Русского географического общества» профессором А. Н. Бекетовым (1825–1902) и начальником Азиатского отдела Главного штаба полковником Д. И. Романовским (1828–1881), а также с секретарем Русского географического общества, сотрудником Азиатского департамента

Ф. Р. Остен-Сакеном (1832–1916) и с молодым ученым В. В. Вельяминовым-Зерновым (1830–1904), который в то время писал свой труд «Исследование о касимовских царях и царевичах».

Довелось Шокану познакомиться и со старым знакомым своего учителя Н. Ф. Костылецкого – известным востоковедом, профессором И. Н. Березиным (1819–1895). Профессор тоже был рад увидеть заочно знакомого ему Уалиханова. Когда-то, в 1853 году, Шокан помогал ему в поисках в казахском языке значений некоторых слов из ханского ярлыка Тохтамыша, не употребляющихся в современном татарском языке, и присылал в письмах расшифровку многих историко-этнографических терминов ярлыка. С 1855 года Березин работал профессором на факультете восточных языков Петербургского университета – в ту пору он переводил с персидского языка «Сборник летописей» Рашид ад-Дина.

Благодаря Березину Шокан начал близко общаться с «отцом российских востоковедов» – известным азербайджанским ученым Мирзой Мухаммедали Казембеком (1802–1870), знатоком арабского, английского, персидского, французского, тюркского, русского языков. Познакомился он также с профессором Петербургского университета В. С. Васильевым (1818–1900), который обучался в пекинской религиозной миссии вместе с Захаровым, консулом в Кульдже. Молодой казах Уалиханов стал почетным гостем в домах трех профессоров, признанных столпами востоковедения.

Обладая обширными знаниями, видные ученые могли многое рассказать ему об истории восточных стран, древних рукописях и летописях. Но и они, со своей

стороны, восхищались интеллектом и ученостью Шокана и нисколько не сомневались, что этот знаток истории Востока, открывший тайны Кашгарии, нашедший уникальные древние рукописи, свободно пишущий и читающий на чагатайско-туркском языке и владеющий французским, в будущем станет непревзойденным востоковедом. По очереди приглашая его в свои дома, они с большим удовольствием беседовали с ним.

Самый старший из них, Мухаммедали Казембек, имел удивительную судьбу, полную трудностей и резких поворотов. Он родился в 1802 году в персидском городе Реште, расположенном вблизи Каспийского моря. Его отец, Мухаммед Касым, происходивший из династии дербентских беков, живя по долгу службы в Реште, женился

на дочери Мир Багирхана, губернатора того вилаята. С детских лет Мухаммедали говорил на двух языках: родном азербайджанском и персидском. Когда мальчику было девять лет, его отца назначили шейх-аль-исламом Дербента – высшим должностным лицом по вопросам ислама, и семья переехала в этот древний город. Мухаммедали, обладавший феноменальными способностями, обучался на дому и свободно овладел арабским, русским, французским, турецким, татарским языками. В семнадцать лет он пишет свой первый труд на арабском языке «Опыт грамматики арабского языка». Отец, ставший главой дербентских мусульман, чтобы расширить образование сына, решает отправить его в крупные исламские центры Персии и Аравии. Однако шейх-аль-ислама обвиняют в предательстве в пользу России и в том, что он связывался с дербентским ханом, скрывающимся в Аварских горах. По решению суда его ссылают в Астрахань.

В эти годы произошли резкие изменения и в жизни Мухаммедали. В Дербенте он часто беседовал со знакомыми отца – шотландскими христианами-миссионерами. Во время таких встреч возникали горячие споры о религии. Мухаммедали, чтобы лучше объяснить миссионерам суть ислама, а также чтобы понять христианство, специально стал изучать английский и древнееврейские языки. В 1821 году, чтобы увидеть отца, находящегося в ссылке, он приехал в Астрахань и снова встретился со знакомыми миссионерами. Дебаты, касающиеся особенностей разных религиозных постулатов, возобновились и закончились тем, что он порвал с близкими из-за своего внезапного решения. Знающий до мелочей все постулаты ислама, он, преодолевая с детства заложенные принципы, принимает христианство и меняет имя: с тех пор его стали называть господин Александр Казембек.

Оставшись с миссионерами в Астрахани, он помогает им переводить религиозные книги на восточные языки. Одновременно берется глубже изучать европейские языки и в 1825 году даже решает отправиться в Англию, чтобы совершенствовать знания. Однако царское правительство, опасаясь, что англичане могут использовать его в своих целях, не дает ему разрешения на поездку. Не выпустив из страны, его сначала назначают переводчиком в Министерство иностранных дел, а потом, посчитав и это чрезмерным, отправляют в Омское военное училище учителем татарского языка. Таким образом Казембека отдалили

Илья Николаевич Березин

Мирза Мухаммедали Казембек

от группы миссионеров, практически отправив в своего рода ссылку.

Но судьба Казембека вновь сделала неожиданный крен. В начале 1826 года он, направляясь в Омск, в дороге заболел. Вынужденно остановившись в Казани, он познакомился с ректором Казанского университета профессором К. Ф. Фуксом. Будучи разносторонней личностью – врачом, этнографом, археологом, историком, Фукс знал в совершенстве, помимо своего родного немецкого, еще английский, французский, итальянский, русский языки, спокойно изъяснялся на татарском и арабском. Фукс не захотел отпускать от себя такого способного ученого, как Казембек. Хотя юноша не заканчивал высшее учебное заведение, ректор предложил ему остаться и преподавать арабский и персидский языки в Казанской гимназии и университете. Написав специальное заявление в Министерство иностранных дел, Казембек

получает разрешение поселиться не в Омске, а в Казани.

Когда в 1828 году в Казанском университете только открылась кафедра турецко-татарских языков, Казембек был назначен ее заведующим. Первым в науке и методике преподавания тюркских языков он использует сравнительные факторы. Разрабатывает методические пособия для гимназий по изучению арабского, персидского и тюркского языков, занимается научной деятельностью. Пишет на персидском языке сочинение «Взгляд на историю языка и словесности арабской» – за эту работу ему присуждается звание адъюнкта (ученая степень, предшествующая степени профессора) восточной словесности.

В 1829 году Александр Казембек стал членом Азиатского общества Великобритании, а еще через год-два – профессором Казанского университета, членом-корреспондентом Российской академии наук. Он пишет и издает такие ценные труды, как «Ассесб ус-Сеяр, или Семь планет, содержащих историю крымских ханов» («История крымских татар с 1446 года по 1737 год»), «О взятии Астрахани в 1660 году крымскими татарами», «Исследование об уйгурах», «Грамматика турецко-татарского языка».

Когда Мирза Казембек в 1846 году перевелся на должность заведующего кафедрой арабского и персидского языков, его ученик, воспитанник и преемник, а впоследствии и биограф И. Н. Березин был назначен на его место – заведующим кафедрой турецко-татарского языка. Фундаментальный труд Казембека «Общая грамматика турецко-татарского языка», изданный в 1846 году, через два года издается на немецком языке и получает высшую оценку западных, европейских ученых. За этот труд Казембек был награжден Демидовской премией Российской академии наук.

В 1848 году заведующий кафедрой персидского языка Санкт-Петербургского университета, еще один гениальный ученый-востоковед Жафар Топшыбашев, азербайджанец, в совершенстве знающий персидский, арабский, грузинский,

армянский и русский языки, в связи с ослаблением здоровья ушел на пенсию, и тогда было принято решение переместить из Казани на эту должность Казембека. На новом месте он стал инициатором осуществления идеи централизации востоковедческой науки. В результате в 1854 году по приказу царя в Санкт-Петербургском университете открылся специальный факультет восточных языков с целью сосредоточить здесь их изучение и преподавание. Одновременно в других российских университетах подразделения, где изучались восточные языки, упразднились.

Первым деканом нового факультета был назначен Александр Казембек. По его специальному приглашению в следующем году из Казани прибыли его последователи и ученики. Березин становится профессором кафедры турецко-татарской словесности, Васильев – профессором кафедры китайской и маньчжурской словесности. Все они с огромным энтузиазмом начинают работать в столице империи.

Казембек незадолго перед приездом Шокана Уалиханова в столицу издал свои сложные труды: «Полный конкорданс Корана, или Ключ ко всем словам и выражениям его текстов, для руководства к исследованию религиозных, юридических, исторических и литературных начал сей книги», «Мюридизм и Шамиль», «История ислама. Обзорение Востока в политическом отношении перед появлением Мухаммада», а теперь собирался писать исследовательский труд о религиозно-политических волнениях, прошедших в Иране в 1844–1852 годы, под названием «Баб и бабиды. Религиозно-политические смуты в Персии». И. Н. Березин был занят изданием «Турецкой хрестоматии», переводом на русский язык «Истории монголов», сочинения Рашид ад-Дина, и готовил диссертацию на соискание степени доктора восточной словесности, избрав тему «Очерк внутреннего устройства улуса Джучиева». В. П. Васильев опубликовал такие ценные исследования, как «История и древности восточной части Средней Азии с X по XIII в.», «Сведения о маньчжурах во времена династий Юань и Минь», «Русско-китайские трактаты», а кроме того, занимался подготовкой «Маньчжурско-русского словаря» для студентов.

Шокан, до этого более или менее знакомый с трудами выдающихся востоковедов, в ходе близкого общения с этими учеными узнал о неизвестных ему фактах из их биографий. Например, оказалось, что господин Казембек, рассказ о котором как о неординарной личности он неоднократно слышал из уст своего учителя и наставника Костылецкого, был в течение многих лет дружен и духовно близок с ханом Внутренней орды Жангиром Бокейхановым. По специальному заказу хана Казембек написал книгу «Мухтесерюль-вигкайт, или Сокращенный вигкайт. Курс мусульманского законоведения» и в 1845 году выпустил ее в издательстве Казанского университета. Этот «Мухтасар» Казембека, выполненный по просьбе Жангир-хана и способствовавший распространению среди народа мусульманских канонов в доступной форме, считается одним из фундаментальных трудов о праве мусульман, изданных в то время в России. Книга появилась на свет только благодаря Жангир-хану: на ее издание он пожертвовал 10 тысяч рублей серебром. Когда Чокан впервые посетил дом Казембека, профессор показал ему именно этот труд. Автор выразил свое почтение Жангир-хану словами, набранными крупным шрифтом полностью на титульной странице «Мухтасара»: *«Его Превосходительству Высокостепенному хану, Джангир-гуру Букееву...»*.

Во время разговора о книгах, привезенных им из Кашгарии, Шокан рассказал о Мухаммеде Хайдаре Дулати, выходеце из династии улусбеков, родном кузене по матери известного историка Бабура, и, поведав, что тот написал очень значимый труд под названием «Тарих-и Рашиди», выразил сожаление, что не смог достать этот труд ни в оригинале, ни в переводе на тюркский язык.

Мирза Казембек, с улыбкой посмотрев на Шокана, сказал:

– Молодой султан, вы об этом не жалеете, в библиотеке нашего факультета вы можете найти оригинал «Тарих-и Рашиди» на фарси. А в архиве Академии наук имеется эта книга на чагатайско-тюркском языке, переведенная Мухаммедом Садыком Кашгари – автором книги «Тазкира-и Ходжаган», которую вы привезли из Кашгара.

Шокан, не веря своим ушам, с недоверием, молча смотрел на профессора некоторое время, а потом, не скрывая удивления, воскликнул:

– Уважаемый профессор, вы мне сообщили чудесную новость! Как она попала сюда, когда?

Оказывается, это было произошло благодаря интеллектуалу хану Жангиру. Как представителю ханской династии, Жангиру, получившему воспитание и образование в доме Астраханского гражданского губернатора Андреевского, доставляли имеющие отношение к истории Востока персидские, арабские и тюркские древние книги и рукописи из Бухары и Хивы. Как-то в его руки попала книга на фарси «Тарих-и Рашиди» Мухаммеда Хайдара Дулати. Прочитав эту книгу, Жангир понял ее уникальность и подарил библиотеке Казанского университета: остановившись в 1839 году в Казани по дороге в Петербург, он вручил ее своему старому знакомому Казембеку вместе с еще двумя или тремя рукописями.

Профессор, знаток древних произведений, безмерно радовался такому подарку: казахский хан подарил им бесценную рукопись, еще неизвестную европейской науке! Мухаммед Хайдар, написавший этот фундаментальный труд, оказался гениальной личностью. Рукопись содержала много ранее неизвестных фактов и затягивала читателя. Тут было множество уникальных данных о Чагатайском улусе, истории Могулистана, ханствах Средней Азии, информации, связанной с Кашмирским краем и казахскими ханствами, фактов об известных личностях.

Казембек показал эту рукопись знатоку персидских и арабских языков Ф. И. Эрдману (в 1841–1845 годы проректору Казанского университета), который также сказал, что такое серьезное наследие следует переписать как можно скорее и взять в фонд библиотеки. Выразив большую благодарность Жангир-хану, они договорились, что после того как книгу перепишут, оригинал вернут ему лично в руки.

Университет поручил переписать рукопись татарину-переписчику Убайдаллах ибн Калималлах ал-Булгари ал-Казани ас-Салабаши, обладавшему красивым почерком, но, вероятно, не владевшему персидским языком. Убайдаллах переписал «Тарих-и Рашиди» черной тушью, четким шрифтом «насталик», часто использовавшимся в персидских рукописях. Заглавия выделил кинovarью, тексты заключил в рамки из красных линий. На каждой странице по 26 строк. Все произведение заняло 224 листа размером 34,5 × 20,5. Бумага использовалась фабричная, асеевская, переплет сделали картонный и покрыли кожей.

Жангир-хан и позже сохранил связь с университетом. В 1844 году, после избрания его почетным членом Казанского университета, в качестве благодарности он выразил готовность купить в Бухаре древние рукописи и коллекции

старинных монет для отдела восточных языков университета и послал письмо с предложением дать список необходимых древних произведений на арабском, персидском, тюркском языках. Профессор Эрдман, благодарный за это предложение хану, вместе с Казембеком составили список древних книг из шестидесяти наименований и отправили хану. Там были произведения таких гигантов мысли древнего Востока, как Табари, Масуди, Макризи, Халдун, Фадлан, Руми, Джувайни, Рашид ад-Дин, Хондемир, Казвини, Навои и многих других. Но судьба не позволила продолжить это доброе начинание. В августе следующего года внезапная смерть унесла Жангир-хана в мир иной.

История книги «Тарих-и Рашиди», попавшей в библиотеку Казанского университета благодаря хану Внутренней Орды, продолжилась следующим образом. Когда в 1854 году при Петербургском университете открылся централизованный факультет восточных языков и его деканом был назначен Мирза Казембек, то из библиотеки закрытого аналогичного отделения Казанского университета восточные рукописи были перевезены в столицу империи. Книга Мухаммеда Хайдара Дулати вместе с другими книгами стала собственностью факультета восточных языков Петербургского университета. В те же годы Азиатский музей Императорской научной академии приобрел неполный тюркский вариант «Истории Рашиди» в переводе Мухаммеда Садыка Кашгари.

Шокан, безмерно обрадованный тем обстоятельством, что редкую книгу, не найденную в Кашгаре, встретил в Петербурге, на второй же день отправился знакомиться с рукописью. С помощью преподавателя восточных языков Хусаина Фаизханова (1828–1866) он стал изучать оригинал на фарси.

Хусаин – известный татарский ученый, просветитель, историк, ученик Шихабдина Маржани (1818–1889) – имама Казанской мечети, при помощи которого он и овладел фарси и арабским. Через своего учителя Хусаин познакомился с Казембеком и Березиным и вместе с ними перевелся в Петербургский университет для преподавания персидского и тюркского языков.

Х. Фаизханов с большим удовольствием исполнял просьбы Шокана, которого очень уважал с первой же встречи и называл Шоқан-торе. Те места, которые отмечал Шокан в книге «Тарих-и Рашиди», он тут же переводил на язык, приближенный к казахскому. В ходе перевода Хусаин обнаружил, что переписчик Убайдоллах Салабаши допустил много ошибок. Вместе с Шоқаном они сравнивали оригинал на фарси с неполным переводом на тюркский Мухаммеда Садыка и составили правильный вариант.

Следует отметить, что вклад Х. Фаизханова в казахскую историю этим трудом не ограничивается. По заданию Археологического общества он занимался исследованиями древних наскальных письмен. Летом 1860 года, исследуя памятники на древнем кладбище возле города Хан-Кермен на реке Оке, он нашел

Жангир-хан.
Неизвестный художник. 1832–1840 гг.

Хусаин Фаизханов

текст, написанный на каменном надгробье еще одного известного сына земли казахской – хана Ураз-Мухаммеда. На камне, расколотом на две части, была следующая надпись: «В 1019 году, месяца рамазана в 16 день, скончался сын Ондан-султана, Ураз-Мухаммед-хан. Господь Всевышний да помилует его». Для Шокана, который пять-шесть лет назад досконально изучал сборник летописей Кадыралаи Джалаири «Джами ат-таварих» и многое узнал о судьбе хана Ураз-Мухаммеда, это стало уникальным событием.

Произведение Мирза Мухаммеда Хайдара «Тарих-и Рашиди» Шокан оценивал как бесценный кладезь данных об истории Кашгара, где он сам недавно побывал, и как энциклопедический справочник о жизни и населении края.

Об этой книге он подробно написал в своих «Очерках Джунгарии».

«История Малой Бухарии нам мало известна; мы знаем более или менее историю этой страны до времен Тамерлана из китайских летописей, далее из мусульманских источников, которые говорят [о ней], впрочем, вскользь. Между тем превосходная история этой страны написана в середине XVI столетия Мирзой Мухаммед-Хайдар куреканою, визирем кашгарского хана Абдул-Рашида, и, названная им в честь этого хана “Тарих-и Рашиди”, до сих пор остается неизвестной.

В музее Академии наук находится турецкий перевод этого сочинения, а в библиотеке С.-Петербургского университета – персидский подлинник. К сожалению, академический экземпляр не полон, а университетский изобилует ошибками и, очевидно, скопирован человеком, не знавшим персидского языка. “Тарих-и Рашиди” разделяется на два отдела: первый отдел содержит в себе историю кашгарских ханов от Тоглук-Темира до Рашида, до 962 года геджри [1554]; второй отдел имеет характер мемуаров.

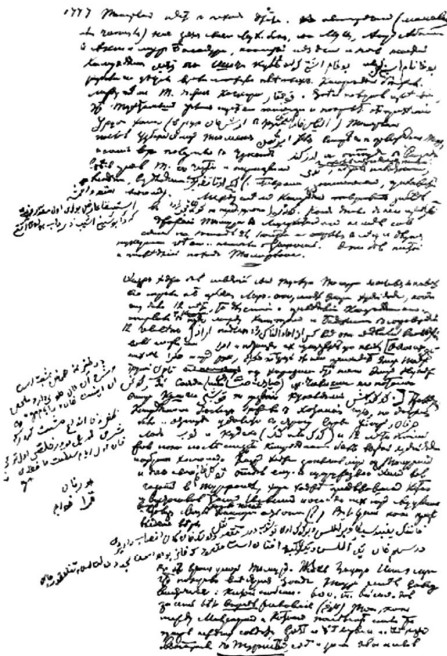
Здесь автор описывает свои личные приключения, сообщает чрезвычайно много географических и этнографических сведений о Тянь-Шане, Болоре, Тибете и Куэнь-Луне. Сам автор принадлежал к знаменитой фамилии Дуглат, предки его под именем улусбеков играли в Могул-улусе такую же роль, как мажордомы при Мерovingах у франков.

Я уже заметил выше, что история Хайдара оканчивается 1554 годом. Замечу также, что это единственное историческое сочинение, известное в Европе, и известное только по имени (академическая рукопись еще не описана). Но мне посчастливилось приобрести в Кашгаре рукопись под заглавием “Тазкирияи Ходжагян”, заключающую в себе историю династии Ходжей, которые в конце XVI в., изгнав чингизовичей при помощи буддистов ойратов, управляли Малой Бухарией как вассалы джунгаров. Это замечательное сочинение оканчивается взятием города Яркенда китайцами в 1758 г. Таким образом, “История ходжей” служит продолжением “Тарих-и Рашиди”».

Шокан в своем исследовании «Извлечения из “Тарих-и Рашиди”» обращает внимание читателя, что эта книга является сокровищницей, содержащей много ценных фактов. Во введении он говорит, что оригинал «Тарих-и Рашиди», на-

ходящийся в музее Академии наук, переведен с персидского на тюркский поэтом Мухаммедом Садыком Кашгари по повелению кашгарского хакимбека Юнуса Таджи. Также отмечает, что этот поэт перевел с арабского книгу «Тарих-и Табари», кроме того он известен и оригинальным сочинением «Тазкиряи Ходжаган». Анализируя данные, относящиеся к генеалогии предков автора книги «Тарих-и Рашиди» Мирза Хайдара, чертит генеалогию от его дальнего предка Баурту Дуглата. Оказывается, среди посадивших на трон первого хана Могулистана Туглук Тимура был сын Баурту – эмир Буладжи (Пуладчи) Дуглат. Он был эмиром удела Манглай-субе (солнечная сторона). Когда Чагатай-хан делил свой улус на уделы, Манглай-субе была передана Баурту, деду эмира Буладжи. Она расположена на востоке улуса. Восточную его границу составляют Кусан (Куча) и Тарбукур, западную – Самгар (стороны Ходжента и Шаша). Северная граница – Иссык-Куль, южная – Черчен и Сарыуйгур. Города Кашгар и Хотан, Яркенд, Ахсикент, Андижан, Аксу расположены именно в этом регионе.

Представители этой династии со времен Чингис-хана пользовались особенной благосклонностью улуса Чагатайского улуса, считались влиятельным родом и, находясь в родственных отношениях, выдавали за ханских потомков своих дочерей и брали ханских дочерей в жены сыновьям. Сын улусбека, Буладжи Худайдад, участвовал в возведении на престол шести ханов. Правнук Худайдада, Мирза Мухаммед-Хайдар, шестнадцать лет правил Кашгаром. Его сын, отец будущего историка Мухаммед-Хусайн, как один из приближенных правителя Западной части Могулистана Султан Махмуд-хана (старшего сына Юнус-хана, потомка Туглук-Тимура), был улусбеком Уратюбинского края. Во время войны между Султаном Махмуд-ханом и Шахибеком (Мухаммед Шейбани) он попадает в руки шахибека, который убивает его, пытая жестокими методами.

Автограф работы Ш. Валиханова над текстом «Тарих-и Рашиди»

Супругой того Мухаммеда-Хусайна Дуглата была Хуб-Нигар-ханым – дочь Юнус-хана. А сестра Хуб-Нигар – Кутлык-Нигар-ханым была выдана замуж за Омар-Шейха, властителя Ферганы, правнука знаменитого эмира Тимура. В результате брака представителей двух знаменитых династий появился на свет великий историк, автор знаменитого произведения «Бабур-наме», поэт, известный полководец, основатель империи Великих Моголов падишах Бабур (1483–1530). Это значит, что два известных историка – Мухаммед Хайдар Дуглат и Захириддин Бабур – родные кузены, то есть двоюродные братья по материнской линии.

После смерти отца от рук врага 13-летнему потомку знатных беков, будущему автору «Тарих-и Рашиди», грозила опасность. Спасаясь, он, с помощью благожелателей, уезжает к своему кузену Бабуру, который был старше его на 16 лет

и являлся властителем Кабула. Прожив там три-четыре года, Мухаммед Хайдар по настоятельному приглашению Сагид-хана ибн Султан Ахмета – внука Юнус-хана, эмира Андижанского валаята, женатого на сестре Мухаммеда – Хабибе, с разрешения Бабура в 1512 году уезжает к нему. Через два года Сагид-хан, подчинив себе Кашгар, создает в Восточном Туркестане новое государство, получившее в дальнейшем наименование Могулия. Мухаммед Хайдар на длительный срок становится доверенным спутником хана, мудрым его советником. Женившись на сестре правителя Султан-ханым бегим, он получает статус гурхана (зятя хана) и участвует в воспитании наследника хана Абд ар-Рашида. После смерти Сагид-хана в 1533 году севший на престол Рашид, хотя и сделал Хайдара своим визирем, но, опасаясь его родственников, начал преследовать дуглатских улусбеков. Так, он приказывает убить младшего брата отца Хайдара – Мирзу Сеида-Мухаммеда.

В это время Мухаммед Хайдар, находившийся в походе на Тибете, вынужден оттуда выехать в Индию к бабуридам. Там он возглавил воинов во дворце империи Великих Моголов, владыкой которой был падишах Хумаюн – сын Бабура. В 1540 году, захватив Кашмир, он правит им от имени Хумаюна. Именно в Кашмире в 1541–1546 годы Мухаммед Хайдар завершает работу над «Тарих-и Рашиди».

Опираясь на данные генеалогии предков Туглук Тимира, Шокан составляет генеалогическое древо, начиная с прабабки Чингис-хана, прекрасной Алангоа, до самого могульского Рашид-хана, воспитанника Мухаммед Хайдара. Затем составляет, согласно родству, сыновей и дочерей его деда по матери Юнус-хана.

В произведении Мухаммеда Хайдара Шокан прослеживает процесс разделения Могул-улуса на две части: Могул и Чагатай, которые враждовали и презирали друг друга. Могулы называли чагатайцев караунас, а чагатайцы их – жете. Используя данные «Тарих-и Рашиди», Шокан начертил карту восточной части. Таким образом были выяснены географические параметры одного из периодов истории Алтышара.

Читая произведение Хайдара, он поразился тому, что встречается множество древних авторов и книг, совершенно не известных востоковедам. Помимо «Бабурнаме» Бабура и «Джами ат-таварих» («Сборник летописей») Рашид ад-Дина, упоминались произведения древних авторов: «Тарих-и джахангушай» («История завоевателя Вселенной») Ата Малика Джувайни, «Зафар-наме» («Книга побед») Шараф ад-Дина Али Йазди, «Мулхахат ас-сурах» («Дополнение к книге вопросов») Джамал ад-Дина Карши, «Тарих-и гузида» («Системная история») Хамдаллаха-Мустауфи Казвини, «Улус-и арбаа» («Четыре улуса») Мирзы Улугбека и т. д. Удивительно, как много книг было написано на Древнем Востоке! А их упоминание свидетельствует о том, что Мухаммед Хайдар Дулати был одним из самых образованных людей своего времени.

Шокан с интересом вчитывался в те страницы, где историк описывал факты и ситуации, имеющие отношение к Казахскому ханству. Он хорошо знал, что по «Шейбани-наме» слово «казах» вбирает в себя понятие, существующее у тюркских народов издревле, – «вольный, отважный рыцарь степей», а отсюда происходят «стать казахом, казаховать», то есть вести вольный образ жизни. О том же пишется и в произведении Мирзы Хайдара. Он пишет, что «отец Юнус-хана Султан Вайс-хан после смерти отца находился при дяде Шир-Мухаммед-хане, а когда достиг совершеннолетия, ушел от него и начал появляться в разных мес-

тах по обычаю казахования. В улусе могулов каждый юноша, считающий себя бахадуром и претендующий на это, шел к нему. К их числу принадлежал и эмир Сайид-Али, мой благородный прадед».

В 39-й главе первой тетради Шокан встретил особенные факты, касающиеся создания Казахской орды.

«В то время в Дашт-и Кипчаке владычествовал Абу-л-хайр-хан. Он причинял много беспокойства султанам джучидского происхождения. Джанибек-хан и Кирай-хан бежали от него в Могулистан. Исанбуга-хан охотно принял их и предоставил им округ Чу и Козы-Баши, который составляет западную окраину Могулистана. В то время как они благоденствовали там, узбекский улус после смерти Абу-л-Хайр-хана пришел в расстройство; [в нем] начались большие неурядицы. Большая часть [его подданных] откочевала к Кирай-хану и Джанибек-хану, так что число [собравшихся] около них [людей] достигло двухсот тысяч человек. За ними утвердилось название узбеки-казахи (узбак-казак). Начало правления казахских султанов – с восьмьсот семидесятого года (1465–1466), а Аллах лучше знает.

В продолжение времени до девятьсот сорокового года казахи всецело владычествовали в большей части Узбекистана (Дешт-и Кипчака. – Авт.). После Кирай-хана был ханом Бурундук. [Затем] был ханом сын Джанибек-хана Касим; он распространил свою власть над Дешт-и Кипчаком. В его армии (лашкар) было более миллиона человек. После Джучи-хана в этом юрте не было [хана] более могущественного, чем он...»

Шокан до сих пор не встречал более точных и полных фактов об образовании Казахской орды. Мирза Хайдар досконально описывает не только историю Чагатайских и Могулских улусов, но и детально пишет об истории края – владениях Джучи-хана. Чего стоит только объяснение происхождения слова «казах»! Шокан и сам ломал голову над этим, а Мухаммед Хайдар предложил более чем убедительный вариант. В 33-й главе второй тетради он выражается еще более точно и ясно: «После смерти Абу-л-Хайр-хана в улусе узбеков возникли разногласия. Каждый по мере возможности ради безопасности и спокойствия прибегал к помощи Кирай-хана и Джанибек-хана, и те окрепли. Поскольку вначале они уходили от людей, отдалялись от них и некоторое время бедствовали и скитались, то их называли казахами. Это имя закрепилось за ними».

Во времена Мирзы Хайдара отношения между Казахской ордой и Могулистаном были дружественными и, как во время правления Исенбуга-хана, представляли собой мирное сотрудничество. Двухсторонние связи закреплялись родственными узами, начинавшимися со сватовства и завершавшимися созданием новых семейных пар. Так, четвертая дочь Юнус-хана Султан-Нигар-ханым была выдана замуж за четвертого сына Жанибек-хана султана Адика. Когда спустя некоторое время Адик-султан погиб, ханым, согласно аменгерской традиции, вышла замуж за старшего брата Адика – Касым-хана. Младшая дочь Султан-Нигар, рожденная от Адика, Шишек-бегим (кузина Мухаммеда Хайдара), была выдана замуж за своего двоюродного дядю по матери – правителя Могулского государства Рашида (Абд ар-Рашида). В свою очередь, родная старшая сестра Рашид-хана Бадигулжамал-ханым (Бади ал-Джамал) вышла замуж за сына Адика Бауыш-султана. Младшая сестра Сагид-хана, отца Рашида, Махим-ханым была выдана замуж за родного брата Бауыша Буйдаш-султана – правителя Жетысу.

Но когда Рашид-хан в 1533 году сел на престол, то начал рвать мирные отношения с казахами. Объединившись с шейбанидом Убайдулла-ханом (1487–1540), он стал часто нападать на казахов и создал для них невыносимые условия. Он настолько возненавидел казахов, что, насильно разведя свою сестру Бадигулжамал с Бауыш-султаном, выдал ее за Мухаммади из рода барлас, верного своего советника, который в детстве был его атабеком (воспитателем). По словам Мирзы Хайдара, он соединил судьбу своей сестры против ее воли с человеком не только низкого происхождения, но и с нечистыми помыслами и темной душой. Самое скверное из всего этого то, что он расторг ее брак с человеком достойным и силой отдал ее недостойному человечешке.

Шокан сопоставлял и сравнивал две рукописи «Тарих-и Рашиди» и перевел текст сочинения на русский язык. Можно предположить, что у него были намерения в дальнейшем продолжать исследования этого труда. Рядом с такими гигантами востоковедения, как Казембек и Березин, и с помощью такого уникама, как Фаизханов, он смог бы издать книгу Мухаммеда Хайдара о древней истории Кашгарии, в которой сам побывал, и внести тем самым неоценимый вклад в востоковедческую науку, включив это произведение в научный оборот. Но слабое здоровье не позволило ему продолжать такую фундаментальную работу...

* * *

Сырой воздух Петербурга совсем не подходил для здоровья Шокана. Туберкулез, беспокоящий его уже некоторое время, не поддавался лечению, и начались осложнения. Поэтому вердикт врачей был единогласным: «Если вы не выберетесь к себе на родину и не станете лечиться кумысом, вам грозит большая опасность».

Другого выхода не было, пришлось оставить многие начатые труды на полпути, и «Тарих-и Рашиди» в том числе. Известно, что до Шокана в Европе никто не брался за исследование этого ценного произведения. Английский ученый Д. Эрскин в 1854 году в своей книге, посвященной истории Индии, приводил отрывки из неполной рукописи Хайдара Дулати, находившейся в Британском музее, и делал на нее ссылки, но конкретно ее не исследовал. В этом отношении оригинал, при содействии казахского хана Жангира попавший сначала в библиотеку Казанского университета, затем в библиотеку Петербургского университета, а также одновременно найденный вариант в переводе на тюркский язык давали Шокану огромные возможности для исследовательской работы. Он впервые в европейской науке принялся за всестороннее исследование «Тарихи-и Рашиди», но, увы, слабое здоровье не позволило продолжать эту работу. Ему ничего не оставалось, как с большим сожалением возвратиться на родину...

К начатым Ш. Уалихановым исследованиям петербургских рукописей «Тарихи-и Рашиди» позднее обратился его друг и соратник по востоковедению Вельяминов-Зернов. Уникальные данные этой книги, относящиеся к Казахской орде, он использовал как основной и самый ценный источник в своем известном трехтомном фундаментальном труде «Исследование о касимовских царях и царевичах».

Европейским востоковедам сочинение «Тарих-и Рашиди» стало известно только после того, как в 1895 году английский ученый Е. Д. Росс сделал перевод по рукописи Британского музея на английский язык и издал. А издание

произведения на русском языке долгие годы так и не было осуществлено. Хотя отрывки, переведенные на русский, время от времени публиковались в научных сборниках.

Только в 1996 году на основе самой объемной ташкентской рукописи из 121 страницы, переписанной в первой половине XVII века, сопоставленной с вариантом, исследованным Ш. Уалихановым, и с английским вариантом Е. Росса, этот ценный литературный памятник вышел на русском языке в Ташкенте. Его подготовили специалисты Института востоковедения АН Узбекистана. Ответственный редактор – доктор исторических наук А. Урунбаев. Книга была издана повторно в 1999 году в Алматы. Позже, в 2003 году, вышел и казахский вариант, сопоставленный с персидским оригиналом. В 2015 году, согласно постановлению Правительства Республики Казахстан о подготовке и проведении юбилейных мероприятий в рамках празднования 550-летия Казахского ханства, было выпущено новое – дополненное и переработанное издание книги Мухаммеда Хайдара Дулати «Тарих-и Рашиди», переведенной с персидского языка. Издание вышло в свет общим тиражом в 7000 экземпляров на казахском, русском и английском языках.

Перевод Нарбинь Кенжегуловой.

